

Владимир Иванович Зимаков

Какая была паника в Москве, когда немцы приблизились! Полный бардак творился, чиновники убегали, секретные документы летали по улицам. В Питере этого не было.

Я вспоминаю учебный год, мы были со старшими братьями. Мы уехали на дачу, затем с дачи, с последним поездом, потому что немцы уже подходили. В городе было всё спокойно. Старший брат остался еще на сутки, потом он чуть ли не пешком добирался оттуда. Это было за Павловском. Всё было спокойно. Был тяжелый период, когда сгорели склады, там было продовольствие, но запасы там были маленькие, ничего.

Всем было жутко интересно, пока еще было всё ничего. Забирались на крышу, у нас был большой дом на Лиговке, шесть этажей. Смотрели бои самолетов, как их сбивали. Я видел «таран» летчика Себастьянова, было так интересно, красиво. А потом, это было лет двадцать назад, я проезжал мимо и посмотрел на свой дом, на окно, на шестой этаж... А другого выхода нет, нужно было вставать на окно и прыгать. Я посмотрел и подумал, что сейчас ни за что бы не прыгнул.

А потом началось самое страшное. Первая блокадная зима. Голод. Голод, наверное, самое страшное оружие. Человек ни о чем не думает, он все время хочет есть. Нам повезло тем, что как-то мама встретила на улице друга отца. Он спросил: «Как там Иван?». Иван был очень плох. Еще недели две, и отец бы умер. И он, как сейчас помню фамилию – Пухов, очень помог. Он дал матери банку, килограммовую, американского топленого сала. Этим он спас нашу семью. Мать варила бульон, выходила отца. Так и прошла первая зима.

На нашем доме было три флигеля. Последний из них выходил на Коломенскую улицу. Там Коломенский сад, сейчас там школа, а тогда школы не было. У нас была детская площадка в доме. Детей было очень много до войны. Весна была очень дружная, теплая, было очень много снега. Зима была очень суровая. Была опасность начала эпидемии. Все вышли убирать во двор. Мама убирала в соседнем доме, там было какое-то общежитие. Когда чистили, скалывали лед, нашли три детских головки. У нас в доме этой весной гулять во двор вышли шесть человек, а раньше детей было намного больше. Вот, три пары братьев, шесть человек, а было, полсотни, точно было.

Началась новая жизнь: хорошая весна, солнце, и, что интересно, идешь по улице, и видно, как женщины выносили что-либо на обмен, всякие вещи, в основном, антикварные. У нас на Лиговке сидели две старушки, у них стояли золотые канделябры. Сияли на всю Лиговку. Беда вся в том, что у кого-то были лишние хлеб, сахар, масло. Из-за того, что у них было лишнее, кто-то умер. Так что блокада – это не только героизм, это – еще и колоссальное воровство. Воровство и еще одна странная штука. Вернее, не странная, а малоизвестная. У нас было очень много родственников. У мамы было пять сестер, все в итоге приехали в Питер. У всех дети, не меньше двух. Один мой двоюродный брат работал в Большом доме, а его жена работа в Смольном, в секретариате Обкома партии. Ей полагался ЗИС. Огромный, длинный. Я у них часто бывал, они хорошо ко мне относились. Как-то его жена позвала меня в магазин. Мы сели в ЗИС и поехали. Магазин располагался в доме, где ресторан «Кавказский», на улице Плеханова, там и сейчас магазин. Дубовые двери, зашторенные окна, вход чуть ли не по пропуску. Я зашел в магазин и обалдел совершенно: лежит разрезанная вдоль семга, а по ней, как слеза, стекает жирок, лежит скрученный шоколад, там было всё, что хочешь. Это для работников Обкома партии. Причем были разные магазины, в зависимости от должности. Всё это было. Как у них лез кусок в горло, я не понимаю.

Народу в городе стало значительно меньше. Сейчас говорят, что на Пискаревке похоронено четыреста тысяч.

Когда я был студентом, нас готовили к работе с туристами. В Смольном нам читали лекции по истории города, блокаде, так как именно по этому вопросу очень много интересующихся. Нам говорили тогда, что там похоронен миллион. А такие захоронения есть почти на каждом кладбище. Точной цифры нигде не называется, сколько народу погибло. Есть такой справочник – «Весь Петербург». В первом выпуске была дана историческая справка. Там была таблица о населении города до войны и после: последнее до войны, сороковой год – около четырех миллионов, 1944-й год – шестьсот тысяч. Больше трех миллионов куда-то делось. Некоторые эвакуировались, но таких было мало – кольцо сжималось. Нам тоже предлагали, но мама решила, что нет. Мы остались. И Лихачев тоже считал, что от голода погибло не меньше двух миллионов человек. Не меньше. Дальше. Дорога жизни. Масса машин проваливалась под лед, бомбили. И с теми, кто эвакуировался, и с теми, кто хлеб привозил. Не считали людей. Сейчас американский фильм о войне – в первые месяцы в плен попало миллион солдат. Четыре миллиона, даже по нашим данным, вся армия практически попала в плен. У них ничего не было, одна винтовка на троих.

У меня друг жил на улице Плеханова, недалеко от здания института на Гривцова. Он рассказывал, что они выжили только благодаря нашему институту. Там была организована подкормка голодающих, давали суп. Выжили только благодаря ЛИТМО.

Еще в ЛИТМО сделали прицел для самолетов. Благодаря этому прицелу эффективность в воздушном бою выросла на сорок процентов. Так что наш институт сыграл определенную роль.

Разрушения. Почти все памятники были защищены, кроме памятника Екатерине. Все остальные обкладывали мешками с песком, а затем обшивали досками. Разрушения были разные. Однажды немцы

сбросили большую бомбу, и от дома на улице Коломенской ничего не осталось. Одна большая груда кирпича.

Занятия в школе начинались в десять утра. Мы приходили в школу. Нам давали полстакана соевого молока и булочку. Молоко было вкусное, сладкое. Мы успевали съесть булочку и выпить молоко, шли на уроки. В это время раздавался сигнал тревоги. Железно, в десять часов, немцы – народ пунктуальный, в десять часов начинался обстрел. Нас – в подвал, а подвал выходил на улицу, мы открывали окна и шли ко мне. Мама работает, брат работает, я был предоставлен сам себе. Сидели там, в карты играли. Однажды снаряд перелетел наш флигель и влетел в окно дома напротив. Ударился о подоконник, отскочил и упал на кровать. Прибежал управдом, свалил с кровати снаряд, подкатил его к окну, положил его на подоконник и сбросил вниз. На его счастье не взорвалось.

Было другое: ударит в дом снаряд и образуется дыра, косметические разрушения. В дом на Лиговке, где исполком, попало несколько снарядов, и для того, чтобы это выглядело приличнее, сделали основу, забили фанерой и на фанере нарисовали дом. Таких случаев было много, чтобы город выглядел красиво. Забавно.

Самое страшное то, что было от снарядов это... на площади Восстания, раньше было две остановки, там была разрушенная Знаменская церковь, где меня крестили. Мы гуляли как-то с братом, вдруг четыре мощных удара, и с той стороны идет стена черно-розового дыма. Мы прибежали на площадь. Снаряд попал в трамвай. Более жуткой картины я в жизни не видел. Пока мы туда прибежали, пока прошел вал дыма, уже приехали машины для уборки. Лопатами убирали человеческое мясо. Руки, ноги. Кошмар! Я ушел сразу, а брат остался.

Самое страшное от снарядов – если попадали на улицы. Ведь дома пустые были. Страшное дело!

Но народ был добрее. Пока еще не была снята блокада, в городе уже появились пленные немцы, их использовали на восстановительных работах. Их возили на грузовых трамваях. Люди, когда трамвай встанет на красный свет, несут им, что-то да сунут. Потрясающий народ был. Я видел сам несколько раз. Дети бегали туда, где работали немцы, и тоже что-либо выменивали, они наловчились из патронов делать зажигалки, из гильзы, и меняли у пацанов на что-либо, голод уже не такой был.

У меня до сих пор впечатление, что я стал есть впервые вдоволь, т. е. не просто наесться, а съесть с аппетитом что-то хорошее, только в пятьдесят седьмом году, когда я закончил институт, отработал на «ФЕСТИВАЛЕ» и уехал на работу в Германию. Только в Германии я и отъелся. Вот такая вот блокада.

Но страшно – первая зима. А потом как-то ко всему привыкаешь. Первая сирена. Тревога.

Мы жили на первом этаже, где было складское помещение. Отец потом купил это помещение и сделал там небольшую квартиру. Он был на все руки мастер. И к нам спускался весь подъезд во время тревоги. В общем, не очень страшно было. Маленькому тем более. На крышу заберешься – вроде бы даже забавно. Вот такая была блокада.

Интересно еще что – блокада, а в блокадном Ленинграде издается книга – мифы древней Греции.

А еще я рисовал, и было обилие качественных красок и карандашей. А потом уже, чем ближе к современности, тем хуже стало. Уже не стало таких карандашей, как был раньше «Руслан», мягкий, красивый. Обалдеть! А бумага была настоящая, александрийская, а после и ее не стало. Вот такая блокада.